

После обеда Е Синье благополучно доставил Цун Кайгэ домой. Увидев, что внук заболел и не пошел в школу, бабушка не на шутку встревожилась и тут же предложила ему остаться дома на несколько дней, чтобы как следует отлежаться.

Однако Цун Кайгэ решительно отказался. Он прекрасно понимал, что экзамены уже на носу, а поскольку он не обладал выдающимися талантами, каждая минута учебы была для него на вес золота.

— Бабушка, я решил пропустить последний урок, чтобы сходить в больницу на капельницу. Так я успею закончить лечение и не пропущу занятия во второй половине дня, — объяснил Цун Кайгэ. Впрочем, он знал правила: в обеденный перерыв лекарства не выдавали и процедуры не проводили.

Поэтому он и решил пропустить последний урок, а заодно и обеденную самоподготовку. Так у него освобождалось больше трех часов — как раз достаточно, чтобы поставить капельницу и вернуться к началу занятий.

Несмотря на то что бабушка настаивала, что пойдет с ним, Цун Кайгэ знал, как тяжело она работает, уходя спозаранку и возвращаясь затемно. Он снова мягко отклонил ее предложение, успокоив тем, что его проводит учитель.

Услышав решение внука, бабушка испытала целую гамму чувств. С одной стороны, ее радовало, что он так дорожит учебой, с другой — она беспокоилась, выдержит ли его организм такой напряженный график.

Но она знала характер Цун Кайгэ: он был упрямым ребенком, и если уж что-то решил, переубедить его трудно. В итоге бабушка кивнула, соглашаясь с его планом.

— Хороший мой, раз ты все решил, поступай по-своему. Но обязательно следи за здоровьем, не переутомляйся. Если что случится — звони бабушке. Номер помнишь? — с нежностью и тревогой в голосе спросила она.

— Да, помню, бабуль, не волнуйся, — улыбнулся Цун Кайгэ, стараясь ее успокоить.

Затем он пообещал, что будет беречь себя и станет звонить ей после школы, чтобы отчитаться. Бабушка немного успокоилась, но все равно не удержалась от наставлений, напоминая о еде и отдыхе.

— Бабушка, ну не переживай, я справлюсь, — снова заверил ее Цун Кайгэ. Он знал, что она всегда за него беспокоится.

Бабушка кивнула, но все еще сомневалась. Она спросила:

— А на лечение-то хватит? Деньги есть?

— Хватит, бабуль, сотни юаней вполне достаточно, — тихо ответил он, не желая, чтобы она лишний раз тревожилась из-за финансов.

— Ну и хорошо. Если не хватит — обязательно скажи, что-нибудь придумаем, — заботливо отозвалась она. Она знала, что с деньгами в семье туго, но была готова на все, чтобы обеспечить внуку лучшее лечение.

На следующее утро бабушка протянула Цун Кайгэ двести юаней. В ее глазах читались любовь и тревога:

— Если не потратишь все, оставь сдачу на всякий случай.

Е Синье, как обычно, вовремя приехал к дому Цун Кайгэ, чтобы отвезти его в школу. Цун Кайгэ протянул ему лишнюю сотню, краснея от неловкости:

— Е-гэ, это бабушка дала. Я постепенно верну остальное.

Е Синье лишь мельком взглянул на него, ничего не ответив. Он прекрасно знал о положении дел в семье Цун Кайгэ, но отказываться от предложенных денег не стал — молча взял их и повез парня в школу.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, Е Синье уже ждал у ворот. Он быстро отвез Цун Кайгэ в больницу, оплатил лекарства картой и ушел лишь тогда, когда парню поставили капельницу.

Сидя в одиночестве в процедурном кабинете, Цун Кайгэ тревожился об уроках и накопленных расходах на лечение. Он смотрел в серое окно, и на душе становилось тяжело. Лекарство капля за каплей вливалось в вену, и время словно растянулось.

Внезапно в дверях показался Е Синье. В руках он держал прозрачное пластиковое ведерко с ручкой. Он сел рядом с Цун Кайгэ и открыл крышку: оттуда потянулся аппетитный аромат мясной каши. Цун Кайгэ застыл — он никак не ожидал, что Е Синье побежит добывать ему обед. Он и так уже слишком обременял его.

— Чего застыл? Ешь, — Е Синье некуда было поставить горячее ведерко, поэтому он снял куртку, подложил ее под него и протянул парню. Видя удивление Цун Кайгэ, он лишь небрежно сунул ему в руку ложку.

— Спасибо... — голос Цун Кайгэ дрогнул, хотелось плакать. Видимо, когда человек болен, он становится чересчур сентиментальным.

Цун Кайгэ осторожно зачерпнул ложку горячей каши, подул и отправил в рот. Вкус был тонким, изысканным — явно работа мастера, а не Е Синье.

— Откуда это? — с сомнением спросил он.

Е Синье покосился на него с легким раздражением:

— Не спрашивай лишнего. Ешь давай, быстрее доедай и возвращайся на уроки.

Конечно, Е Синье не готовил эту кашу сам. Он боялся, что если уйдет далеко, Цун Кайгэ будет неудобно идти в туалет или звать медсестру, поэтому отправился в больничную столовую. Е Синье никогда там не ел и не ожидал, что кашу будут готовить прямо при нем. Ему пришлось сидеть и ждать, пока она сварится.

Сидя в столовой и глядя на оживленную улицу за окном, Е Синье думал о Цун Кайгэ. Он никогда не предполагал, что будет ждать кашу в больничной столовке, и уж тем более не думал, что она окажется такой вкусной. Получив заказ, он почувствовал гордость и мысленно похвалил себя: надо же, лучший старшак в истории, заботится о больном младшем.

Цун Кайгэ наслаждался кашей, чувствуя, как внутри разливается тепло. Он понимал, что Е Синье не мастер выражать чувства словами, но эта каша дала ему ощутить искреннюю заботу друга.

— Спасибо тебе, Синье-гэ, — тихо сказал он, переполненный благодарностью.

Е Синье сдержанно кивнул — похвалу он любил.

Когда Цун Кайгэ закончил, Е Синье не остался, а доел остатки каши, спросил, не нужно ли ему в туалет, вызвал медсестру сменить флакон и ушел.

Это вызвало у Цун Кайгэ противоречивые чувства. Когда капельница закончилась, он обнаружил, что Е Синье не вернулся, и на сердце стало невыразимо пусто.

Он знал, что вчерашние анализы и лечение стоили четыреста тридцать шесть юаней — огромная сумма для него. Бабушка, подметая улицы с утра до ночи, зарабатывала всего пятьдесят юаней в день.

От этих мыслей его грызла совесть. Он не мог просить у бабушки такие деньги. Он даже думал бросить лечение, но фраза Е Синье о том, что от простуды можно и умереть, заставила его отбросить эту глупую мысль.

Пока Цун Кайгэ предавался мрачным раздумьям, Е Синье снова примчался, запыхавшись:

— Чего застыл? Если еще задержимся, точно опоздаем!

Цун Кайгэ обрадовался, отбросил лишние мысли и поспешил за ним.

Когда они сели на мотоцикл, Е Синье бросил ему пальто. Цун Кайгэ захлопал глазами, не сразу сообразив, что к чему.

— Надевай, чего ждешь? Хочешь, чтобы я сам тебя одел? — огрызнулся Е Синье.

Цун Кайгэ втянул голову в плечи и послушно надел пальто. Е Синье помчался вперед, а Цун Кайгэ, укутанный в теплую одежду, чувствовал себя уютно.

Благодаря ежедневным визитам в больницу, Цун Кайгэ быстро пошел на поправку.

Цун Кайгэ был должен Е Синье денег, и это его тяготило. Е Синье тоже серьезно задумался: один — выпускник средней школы, другой — шестиклассник, что они могут сделать, чтобы заработать?

В субботу утром Цун Кайгэ, еще пребывая в сладком сне, внезапно проснулся от знакомого рева мотоцикла. Он словно по рефлексу спрыгнул с кровати и выглянул в окно, заметив знакомый силуэт.

Несколько дней назад он просил Е Синье не сигналить по утрам, мол, это неэтично, и тот перестал. Цун Кайгэ решил, что сегодня снова нужно в школу.

Быстро позавтракав, он схватил портфель и выбежал на улицу. Е Синье, увидев портфель в его руках, нахмурился:

— Ты куда это собрался? Сегодня же выходной.

Цун Кайгэ осенило. Он смущенно рассмеялся:

— А я думал, сегодня учебный день.

Е Синье усмехнулся и сказал, что сегодня они пойдут зарабатывать деньги. Цун Кайгэ помедлил, вернул портфель в комнату, запер дверь и сел на мотоцикл.

Через полчаса они прибыли в незнакомый жилой комплекс. Е Синье протянул ему мешок из-под сахара и указал на мусорные баки:

— Начинай собирать.

Цун Кайгэ опешил, но Е Синье поторопил его:

— Или ты хочешь, чтобы твоя бабушка отдавала этот долг?

Цун Кайгэ сразу все понял, извинился и принялся старательно копаться в мусоре.

Открыв мешок, он обнаружил там перчатки и щипцы для мусора. Обернувшись, он увидел, что Е Синье исчез, оставив лишь припаркованный мотоцикл, но даже это присутствие успокаивало.

Он терпеливо проверял каждый бак. Тело уставало, но на душе было непривычно легко. Раньше он думал о том, чтобы собирать мусор для дома, но в их дворе все уже было разобрано другими, только бабушка иногда находила что-то ценное во время уборки. Сейчас же Цун Кайгэ полностью погрузился в работу, забыв обо всем на свете.

В самый разгар работы внезапно появился Е Синье и быстро забрал у него мешок.

— Скоро обед, пойдем сдадим мусор и поедем, — Цун Кайгэ хотел еще поработать, но Е Синье был непреклонен: — Пневмония еще не прошла, лекарства пьешь, не ищи неприятностей.

Он брезгливо завязал мешок, затащил Цун Кайгэ на мотоцикл и проворчал:

— Такой мелкий и худой, что же ты вырастешь-то?

Е Синье отвез его в пункт приема вторсырья, где они продали пластиковые бутылки. С тридцатью двумя юанями в кармане Цун Кайгэ пошел с Е Синье есть горячие вонтоны.

Несмотря на то что Цун Кайгэ хотел продолжить, Е Синье настоял на том, чтобы отвезти его домой. На прощание он похлопал парня по голове, и хотя тон его был серьезным, в нем чувствовалась забота:

— Учись хорошо, малец. Это единственный путь изменить твою судьбу.

Наступила новая неделя. Утром Цун Кайгэ не увидел Е Синье и немного расстроился, но понимал, что тот уже помог ему с расходами, две недели возил в школу и даже готовил обеды. Хотя жареный рис был не всегда вкусным, он не мог жаловаться, вспоминая щедрость Е Синье.

Приехав на автобусе, Цун Кайгэ неожиданно увидел, как Е Синье подвозит другого ученика из параллельного класса. В груди кольнула ревность — казалось, старший брат, с которым он

только подружился, переключился на другого. Однако, заметив Цун Кайгэ, Е Синье лишь коротко прорычал мотором и уехал, не сказав ни слова. Это принесло парню облегчение: по крайней мере, его не оттолкнули окончательно.

Шли дни, и Цун Кайгэ понял, что банда Е Синье не просто вымогает деньги — они действительно выполняли функцию охраны. Те, кто платил больше, могли даже заказывать обеды: Е Синье лично покупал еду и перелезал через школьный забор, чтобы доставить ее. Цун Кайгэ не мог себе этого позволить, но все равно иногда давал Е Синье немного денег, считая, что лучше пусть они достанутся ему, чем кому-то еще. Е Синье не возражал, принимал эти крохи и продолжал возить Цун Кайгэ и кормить его.

Благодаря ежедневной практике кулинарные навыки Е Синье в приготовлении жареного риса заметно выросли, иногда еда была даже вкусной. Когда Цун Кайгэ спрашивал об этом, Е Синье лишь насмехался:

— Ты на свои копейки хочешь ресторанной еды? Что нашел в мусорке, то и ешь.

По субботам они вместе собирали мусор. Со временем многие узнали об этом, и соседки начали специально откладывать пластиковые бутылки для Цун Кайгэ. Вскоре это были не только бутылки, но и коробки из-под посылок, пивные банки. Однажды мусора было так много, что мотоцикл не смог увезти его за один раз. Е Синье непривычно замолчал. К тому времени Цун Кайгэ уже выплатил весь долг, но Е Синье продолжал приходить.

— Жди здесь, — бросил он и уехал, чтобы забрать оставшееся. Выручка была приличной, и Цун Кайгэ хотел поделить деньги пополам, но Е Синье лишь брезгливо отмахнулся:

— Оставь себе свои гроши, мне не надо.

<http://bllate.org/book/21576/2222629>